

«ПОСЛУШАЙ...»

Писатели смотрят фильм о писателе

В первый и, кажется, в последний раз я видел Юрия Казакова где-то в начале шестидесятых годов. Он был приглашен в наше Третье, «роммовское» объединение «Мосфильма». Искали хорошую литературу, искали хороших авторов. И вот за большим столом в худсоветовской комнате сидит молодой, но уже лысоватый, крупный, даже могучий человек. Не могу вспомнить, о каких его рассказах шла речь. Но хорошо помню впечатление, которое он на нас произвел. Казаков молчал. Кажется, за время нашего «обсуждения» он выдал из себя две односложных фразы. Но своей «нездешней» жизненной наполненностью он был так противоположен легковесной студийной суетливости, что почти каждый из присутствующих ощутил его превосходство над собой. Особенно трепетали редакционные дамы. Да, это был мужчина.

Тогда из той встречи ничего не вышло. Да и можно ли было вообще перенести на экран очарование казакской прозы, необыкновенной по плотной чистоте слова? Поставленный на «Мосфильме» в другое, уже очень непростое для Юрия Казакова время молодым режиссером Аркадием Кордоном фильм «Великий самодет» (по рассказам писателя о ненецком художнике-самородке Тыко Вылко), кажется, усиливал эти сомнения.

Прошли еще годы — и вот тяжелая болезнь и смерть писателя. Потом весть о том, что Аркадий Кордон, ставший за прошедшее время близким другом Юрия Казакова, снимает фильм о нем самом. Серьезное и глубоко верное решение: не по нему, а именно о нем — об этой сложной и поразительной личности, в судьбе ко-

торой так резко выразились и сила, и боль поколения.

Так получилось, что я посмотрел фильм не на ноябрьской премьере в Доме кино, а в мае — на показе в Центральном доме литераторов. Случай оказал мне услугу. Смотреть фильм о писателе в Доме литераторов — это совсем другой контекст, другой настрой, другой в воздухе тон. Зал был полон и настрожен. Интересные выступления перед фильмом режиссера Аркадия Кордона и заместителя главного редактора «Мосфильма» Нины Глаголевой, приложившей много усилий для того, чтобы фильм был завершен, публика писательского дома выслушала благожелательно — и только. Но фильм начался, пошел, и можно было кожей ощущать, как зал становится все более и более сосредоточенным. Картина, сложно — на ретроспекциях и видениях — построенная, явно принималась. За все время просмотра из зала в буфет не вышел, кажется, ни один зритель. И главное, на мой взгляд, потому, что в лице артиста Алексея Петренко узнали и приняли героя — человека Юрия Казакова, который был хорошо известен всем писателям. Я всей душой согласился со зрителями, чье молчаливое одобрение разрядилось в результате аплодисментами. Да, я вновь, теперь уже на экране, увидел Юрия Казакова — человека, внешне могучего, но наделенного нежным и потому кровоточащим от неосторожного прикосновения сердцем... И именно в Доме литераторов так проникновенно воспринимались с экрана фразы, сотворенные мастером. Вот и название фильма — это название последнего, так и не перенесенного Юрием Казаковым на бумагу рассказа — казалось бы, обычные русские слова, но как много поэтической тайны в них: «Послушай, не идет ли дождь...»

Леонид НЕХОРОШЕВ

С. И. Нефедович — 2000 — 24 марта — с. 11